

Ж. Е. Потапова

**ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И САМООБРАЗОВАНИЕ
В АВСТРИИ КОНЦА 19-ГО – НАЧАЛА 20-ГО ВЕКОВ
(на материале произведения Стефана Цвейга
«DIE WELT VON GESTERN. ERINNERUNGEN EINES
EUROPÄERS»)**

Статья посвящена рассмотрению вопросов образования в Австрии в период конца 19-го – начала 20-го веков на материале произведения Стефана Цвейга «Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers». Работа С. Цвейга является автобиографической и позволяет увидеть, что представляла собой система школьного образования в Австрии в указанный период. Целью данной статьи является показать, как, несмотря на то, что старая австрийская школа была для ребенка воплощением насилия, безысходности и скуки, ученики выходили из такой школы вполне высокообразованными. Данная статья является продолжением разработки темы «Условия формирования духовно-моральных ценностей немецкой и австрийской молодежи на рубеже 19–20 веков» (на материале художественных произведений указанного периода).

Ключевые слова: Стефан Цвейг, «Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers», образование в Австрии конца 19-го – начала 20-го веков.

Потапова Ж. Є. Шкільна освіта і самоосвіта в Австрії кінця 19-го – початку 20-го століть (на матеріалі твору Стефана Цвейга «Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers»)

Стаття присвячена розгляду питань освіти в Австрії в період кінця 19-го – початку 20-го століть на матеріалі твору Стефана Цвейга «Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers». Робота С. Цвейга є автобіографічною і дозволяє уявити, що являла собою система шкільної освіти в Австрії в зазначений період. Метою даної статті є показати, як, незважаючи на те, що стара австрійська школа була для дитини втіленням насильства, безвиході і нудьги, учні виходили з такої школи цілком високоосвіченими. Ситуація в школі того часу, як її описує С. Цвейг, може впливати на молодь двояко: або паралізуюче, або стимулююче. У першому випадку зі звітів психоаналітиків можна дізнатися, скільки

«комплексів неповноцінності» породив такий метод виховання у людей, які пройшли старі австрійські школи. У другому випадку проявляється нестримна пристрасть до свободи, ненависть до будь-якого диктату і догматизму і величезне бажання пізнавати те, чого не викладають в школі. Настав час, коли гімназістам школа остаточно набридла і стала на заваді. Невгамована жага знань, духовна, художня допитливість, що не знаходила в школі ніякої підтримки, пристрасно потягнулася назустріч всьому тому, що відбувалося за межами навчального закладу. Стефан Цвейг визнає, що у всьому цьому ентузіазмі були безглуздості, просте мавпування, елементарне бажання перевершити всіх, дитяче честолюбство відчувати себе зневажаним банальне оточення родичів і вчителів. Але саме завдяки цій всепоглинаючій пристрасті до літератури, нескінченним спорам і скрупульозному аналізу це покоління отримало здатність критично мислити. Молоді люди удосконалювалися в своїй самоосвіті і знаходили нове, тому що бажали нового. Це покоління раніше, ніж вчителі та університети відчувало, що разом з минаючим століттям починається переоцінка цінностей. Дана стаття є продовженням розробки теми «Умови формування духовно-моральних цінностей німецької та австрійської молоді на межі 19 – 20 століть» (на матеріалі художніх творів зазначеного періоду).

Ключові слова: Стефан Цвейг, «Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers», освіта в Австрії кінця 19-го – початку 20-го століть.

Potapova Zhanna. School education and self-education in Austria at the end of the 19th, the beginning of the 20th centuries (on the material of Stefan Zweig's «Die Welt von Gestern, Erinnerungen eines Europäers»)

The article deals with the problems of education in Austria during the late 19th and early 20th centuries (on the material of Stefan Zweig's work «Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers»). S. Zweig's work is autobiographical and makes it possible to get an idea of the school education system in Austria during that period. The purpose of this article is to show how, despite the fact that the old Austrian school was for a child the incarnation of violence, hopelessness and boredom, the school-leavers were quite well-educated. The situation at school at the time, as described by S. Zweig, could affect young people in two ways: either paralyzing or stimulating. In the first case according to psychoanalysts, you can find out

how many “inferiority complexes” were brought about by such method of education in people who experienced the old Austrian schools. In the opposite case, there is an irresistible passion for freedom, a hatred of any dictate and dogmatism, and a great desire to learn something that is not taught at school. The time came when the schoolboys finally got fed up with school that couldn’t give them what they wanted. An inexhaustible thirst for knowledge, a spiritual, artistic curiosity that did not get any contentment at school, passionately rushed towards all that was happening outside the educational institution. Stefan Zweig admits that much about this enthusiasm was senselessness, simple monkeying, an elementary desire to surpass everyone, childish ambition to treat scornfully the wretched environment of relatives and teachers. But it was just due to this overwhelming passion for literature, endless debates and scrupulous analysis, this generation got the ability to think critically. Young people enriched their knowledge in self-education and found novelty they were seeking for. This generation, earlier than their teachers and universities, felt that together with the passing century a reappraisal of values was coming. This article is a continuation of «Conditions for the formation of spiritual and moral values of German and Austrian youth at the turn of the 19th and 20th centuries» (based on the material of literary works of the specified period).

Key words: Stefan Zweig, «Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers», education in Austria in the late 19 th – early 20 th century.

Работа Стефана Цвейга «Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers» является автобиографической и позволяет понять обстановку, которая царилa в системе школьного образования в Австрии в период конца 19-го – начала 20-го веков. Цель данной статьи – показать на материале этого произведения, как, несмотря на то, что старая австрийская школа была для ребенка воплощением насилия, безысходности и скуки [1, с. 19], выпускники выходили из такой школы вполне высокообразованными.

Репутация каждой «приличной» семьи требовала, чтобы хоть один из сыновей был доктором каких-нибудь наук, для чего надо было окончить университет. А путь до университета включал пять лет

начальной школы и восемь лет гимназии. Это пять-шесть часов за партой, в остальное время надо выполнять домашние задания по всем школьным предметам и еще, как того требовало «общее образование», учить французский, английский, итальянский, греческий и латынь. На физическое развитие, спорт, прогулки и развлечения времени не оставалось. Писатель честно признается, что все его школьные годы – это ничто иное, как сплошная, с каждым годом все возрастающая тоска и нестерпимое желание избавиться от ситуации, где размеренный, бессердечный и бездуховный школьный распорядок основательно отравлял ученикам самую прекрасную и беспечную пору жизни. Школа была для них местом, где необходимо поглощать точно отмеренными порциями «знания, не заслуживающие внимания», схоластические или поданные схоластически сведения, которые воспринимались как что-то не имеющее ни малейшего отношения ни к реальной действительности, ни к личным интересам. Это было тупое, унылое учение не для жизни, а ради самого учения, навязанное старой педагогикой. Самым счастливым моментом был день, когда можно было навсегда закрыть за собой дверь этого учебного заведения [1, с. 19], Стефан Цвейг, правда, признает, что сами по себе австрийские школы не были плохими, даже напротив, так называемая «учебная программа» была тщательно разработана на основе столетнего опыта. При творческом подходе она могла бы стать основой плодотворного и достаточно универсального образования. Но педантичная заданность и сухой схематизм делали уроки ужасающе скучными и безжизненными. Учителя никогда не ориентировались на личность, и только оценками «хорошо», «удовлетворительно» или «неудовлетворительно» показывали, насколько ученик соответствовал требованиям учебной программы. За все годы учебы ни один учитель не спросил, что хотели бы ученики изучать, не было никакой стимулирующей поддержки. И вот такое холодное обезличивание и казарменное обращение, нелюбовь к человеку произвольно вызывали у воспитанников одно лишь озлобление. Казенность сказывалась даже на внешнем и внутреннем облике гимназического здания: типичная постройка целевого назначения, холодные, плохо побеленные стены, низкие потолки, никаких картин,

ничего, что радовало бы глаз. Сидели за низкими партами, искривляя позвоночник. Десятиминутная перемена в холодном узком коридоре без движений и свежего воздуха считалась достаточной. Дважды в неделю учеников водили в спортивный зал, где при наглухо закрытых окнах им приходилось топтаться на дощатом полу, с которого при каждом шаге поднимались облака пыли. Что касается учителей, то они не были ни добрыми, ни злыми, просто рабски привязанными к предписанной свыше схеме учебной программы. Согласно тогдашней методике обучения их ничто не касалось кроме того, сколько ошибок сделал тот или иной ученик. Если бы учитель решился рассматривать своего подопечного как личность, которая требует особого подхода, то по тогдашним временам он бы намного превысил свои обязанности и свои полномочия. И более того, любая неофициальная беседа считалась опасной для его авторитета, так как тогда она поставила бы учеников на один уровень с ним, наставником [1, с. 20]. Между учителем и учеником находился невидимый барьер «авторитета», исключавший любой контакт. Лишь гораздо позднее С. Цвейг осознал, что такой сухой и бездушный метод воспитания молодежи отражал не столько равнодушное отношение государства, сколько определенную, тщательно скрываемую установку. Буржуазное общество того времени провозглашало умеренность и солидность единственной истинной добродетелью человека во всех сферах жизни. Рекомендовалось воздержаться от любой поспешности в продвижении молодежи. Австрия во главе со старым императором и старыми министрами была старым государством, рассчитывающим сохранить свое положение в Европе без каких-либо усилий, исключительно избегая любых радикальных изменений. Молодые люди, инстинктивно жаждущие всегда скорых и коренных перемен, считались поэтому сомнительным элементом, который следует как можно дольше придерживать [1, с. 21]. Имея в виду эту установку, можно понять, что государство использовало школу как инструмент для поддержания своего авторитета [1, с. 22] Учеников надо было воспитать так, чтобы все существующее они почитали совершенным, мнение учителя непогрешимым, слово отца – неоспоримым, государственные институты идеальными и вечными. Второй основной прин-

цип той педагогики, который был принят и в семье, был направлен на то, чтобы молодым людям жилось не слишком вольготно. Прежде чем получить какие-нибудь права, они должны были усвоить, что у них есть обязанности, и, прежде всего, обязанность абсолютного повиновения. С самого начала детям внушалось, что они, ничего еще в жизни не совершившие и не обладающие никаким опытом, должны быть благодарны уже за то, что им предоставлено, и не иметь никаких поползновений что-либо просить или требовать. Этот метод запугивания в то время применялся с самого раннего детства. Прислуга и неумные матери пугали трех-четырехлетних детей тем, что позовут полицейского, если они сейчас же не прекратят вести себя плохо. А в гимназические годы уже повзрослевшим юношам из-за плохой отметки по какому-нибудь второстепенному предмету угрожали, что заберут из школы и заставят учиться ремеслу, что было самой страшной угрозой, которая только существовала в кругу буржуазии: деградация до статуса пролетариата. А если движимые естественным стремлением к знаниям молодые люди искали у взрослых ответа на самые насущные вопросы, то их останавливали высокомерным: «Этого ты еще не поймешь». И эта техника использовалась повсеместно: дома, в школе и в государственных учреждениях. Молодому человеку не уставали внушать, что он еще не «созрел», что он ничего не смыслит, что ему надлежит лишь слушать и все принимать на веру, но самому никогда не высказываться, а тем более возражать. По этой причине и учитель должен был оставаться непререкаемым авторитетом и ограничивать все чувства и мысли учеников «учебной программой». А хорошо или плохо им в гимназии, это никого не волновало. Истинная миссия учителя в то время сводилась к тому, чтобы учащихся не слишком продвигать, а скорее сдерживать, по возможности приспособить к заведенному порядку, не повысив их энергию, а обуздав ее и обезличив [1, с. 22].

Подобная ситуация может воздействовать на молодежь двояко: либо парализующе, либо стимулирующе, на это как раз и обращает внимание С. Цвейг. В первом случае из отчетов психоаналитиков можно узнать, сколько «комплексов неполноценности» породил такой метод воспитания у людей, прошедших старые австрийские школы.

Во втором случае проявляется неудержимая страсть к свободе и ненависть к любому диктату и догматизму. И далее С. Цвейг подробно описывает, что предпринимали гимназисты в его время. До четырнадцати или пятнадцати лет они кое-как довольствовались гимназией, подшучивали над учителями, с холодной любознательностью выполняли задания. Но потом наступил час, когда школа им окончательно наскучила и стала помехой. «Незаметно свершился странный феномен: мы, вступившие в гимназию десятилетними мальчиками, уже в первые четыре года духовно обогнали ее. Мы интуитивно чувствовали, что ничему существенному здесь не научимся, а в ряде вопросов в предметах, которые нас интересовали, мы разбирались даже лучше, чем наши бедные учителя, которые после студенческих лет по собственной инициативе не открыли ни одной книги» [1, с. 23]. В то же время с каждым днем становилось все явственнее другое противоречие: присутствуя в классах, учащиеся не слышали ничего нового или достойного внимания, а за окном был город с тысячами всевозможных соблазнов: театры, музеи, книжные магазины, университет, музыка, и каждый новый день приносил новые неожиданности. Естественно, что неутоленная жажда знаний, духовная, художественная пытливость, не находившая в школе никакой пищи, страстно потянулась навстречу всему тому, что происходило за пределами этого учебного заведения. Восторженность у молодых людей, словно инфекционное заболевание, передавались в классе от одного к другому, как корь или скарлатина, и неофиты с детскими тщеславными амбициями, подгоняя друг друга, стремились как можно быстрее превзойти остальных своими познаниями. Какое направление принимала эта страсть – часто дело случая. Это могло быть коллекционирование почтовых марок, кто-то увлекался социализмом и Толстым или был одержим еще чем-то. Выпуск С. Цвейга оказался союзом фанатиков искусства. Увлечение театром, литературой и искусством было в Вене совершенно естественным: культурным событиям венские газеты отводили особое место; повсюду, куда бы ни пошел, взрослые обсуждали оперные или драматические постановки, в витринах всех канцелярских магазинов были выставлены портреты знаменитых артистов. Само собой разумеется, что гимназисты

устремлялись на каждую премьеру, чтобы на следующее утро в школе не опозориться, если не сможешь рассказать о каждой подробности. И если бы учителя не были так равнодушны, то они должны были бы заметить, что по какому-то мистическому совпадению перед каждой премьерой две трети учеников заболели. Еще они могли бы обнаружить, что под обложками латинских грамматик у учеников лежат стихи Рильке, а в тетради по математике переписываются замечательные стихи из одолженных книг. Каждый день придумывались все новые уловки, чтобы скучные школьные уроки использовать для чтения; в то время как учитель нудно рассказывал о «наивной и сентиментальной» поэзии Шиллера, ученики под партой читали Ницше и Стриндберга, о существовании которых их наставник даже не подозревал. «Нами, словно лихорадка, овладела страсть все знать, во все вникнуть, что происходит во всех направлениях в искусстве и науке; после обеда мы смешивались со студентами университета, чтобы послушать лекции; мы посещали выставки, ходили в анатомический театр присутствовать на вскрытии. Во всё и везде мы совали свой нос. Мы проникали на репетиции филармонического оркестра, копались в книгах у букинистов, ежедневно обследовали раскладки продавцов книг, чтобы сразу же узнать, что нового появилось вчера. Но главное – мы читали, мы читали все, что попадет в руки. Мы брали книги в общественных библиотеках и друг у друга, что удавалось раздобыть. Но лучшим просветительским местом по вопросам всего нового оставалось кафе» [1, с. 24]». Венское кафе в ту пору представляло собой что-то вроде своеобразного демократического клуба. Купив лишь чашечку дешевого кофе, можно было сидеть часами, спорить, писать, играть в карты, получать почту и, прежде всего, просматривать множество газет и журналов. В каждом приличном венском кафе имелись комплекты всех венских газет, и не только венских, но и немецких, а также французских, английских, итальянских, американских; к тому же все основные литературные и художественные журналы мира. «Таким образом мы из первых рук узнавали обо всем, что происходило в мире, о каждой новой книге, о каждой премьере, где бы она ни состоялась, и сравнивали критические отзывы во всех газетах; [...] Мы ежедневно

просиживали там часами, и ничто не ускользало от нас. Ибо благодаря общности наших интересов мы следили за orbis pictus не двумя, а двадцатью-сорока глазами; что пропустил один, заметил другой; и так как в нашем познании нового и новейшего мы по-детски хвастливо, с почти спортивным азартом постоянно стремились обойти один другого, то находились в своего рода постоянной ревности к сенсациям» [1, 24]. Не знать чего-то, что знал другой, было стыдно, поэтому все, что представляло интерес, не могло укрыться от коллективной неизбывной пытливости.

Стефан Цвейг признает, что во всем этом всеядном энтузиазме были нелепости, простое обезьянничание, элементарное желание перешеголять всех, детское честолюбие показать себя высокомерно презирающим пошлое окружение родственников и учителей. Но именно благодаря этой всепоглощающей страсти к литературе, нескончаемым спорам и скрупулезному анализу это поколение обрело способность критически мыслить. Молодые люди совершенствовались в своем самообразовании и находили новое, потому что желали нового. Это поколение раньше, чем учителя и университеты ощутило, что вместе с уходящим столетием начинается переоценка ценностей.

Литература

1. Zweig S. *Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers* / Stefan Zweig. – Frankfurt am Mein : fischer taschenbuch Verlag GmbH, 1970. – 495 с.
2. Цвейг С. Вчерашний мир. = *Die Welt von Gestern* / С. Цвейг ; [предисл. Д. Затонского ; вступ. статья К. Федина ; пер. с нем. : Д. Затонского]. – М.: Радуга, 1991. – 544 с.

References

1. Zweig S. *Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers* [The world of yesterday. Memories of a European]. Frankfurt am Mein, fischer taschenbuch Verlag GmbH, 1970. 495 p.
2. Zweig S. *Die Welt von Gestern*. Frankfurt am Mein, fischer taschenbuch Verlag GmbH, 1970. 495 p. (Rus. ed.: Zweig S. *Vcherashnij mir*. Moscow, Raduga, 1991. – 544 p.).